

Взаимоотношение В.И. Григоровича и властей в контексте фукианской формулы «власть-знание».

Стремление реализовать научные знания в политике с давних пор привлекала «власть предрержащих». Известный историк-философ Мишель Фуко в своих работах раскрыл перед нами возможность приблизиться к искомому, введя в научный оборот концептуальную идею «власть-знание». Именно с этих позиций и пойдет разговор.

В 1835 году в университетском уставе Российской империи были утверждены нововведения. Так согласно одному из них, в каждом университете должна была быть открыта кафедра славяноведения. Но как часто это бывает, крайне не хватало квалифицированных специалистов. В 1838 году в стены Казанского университета, по рекомендации профессора экономики и статистики И.Я. Горлова, был приглашен, в будущем широко известный ученый-славяновед, а в те годы мало кому известный выпускник Харьковского университета Виктор Иванович Григорович.

Для получения большего комплекса новых материалов с целью развития «славистики», как отдельной отрасли науки, ученый уже тогда задумывался о возможном путешествии по балканским землям. Отправиться по славянским землям исследователя подгоняло и распоряжение сверху. Согласно постановлению Министерства Народного Просвещения от молодых ученых требовалось не только всестороннее знание и энциклопедическое изучение всего славянства, но также им предписывалось одновременно выступать и в роли собирателей рукописей, палеографов, историков, археологов, лингвистов. Кроме того на них возлагались еще ряд специальных работ о которых сведения крайне малы... «И на всю эту безмерно сложную работу давалось два года» [1, 6]. В.И. Григорович составил свой план путешествия еще в 1843 году, который в последствии не раз редактировался [известны две крупные авторские правки]. Его оригинальность заключалась в том, что Григорович решил начать путешествовать не с Запада на Восток, а с Востока на Запад. Все его предшественники (Бодянский, Кеппен, Прайс,

Срезневский) в силу сложности маршрута, опасности для жизни, предпочитали начинать свои научные изыскания с цивилизованных стран.

В.И. Григорович решил ехать за границу не только учиться, но и открывать неизвестное, поэтому на первый план в своей программе путешествия он выставил посещение малоизвестных уголков славянского мира и исследования памятников славянской старины. Но каково же было его удивление, когда в уже известных местах он наткнулся на неточности первооткрывателей, надуманность и фальсификации. Его ученики вспоминали, что, путешествуя по землям славян, сам Григорович замечал, что сведения, которыми он руководствовался при путешествии по Европейской Турции, вызывали лишь улыбку у местных жителей и не соответствовали действительности [2].

О поездке профессора-славяноведа В.И. Григоровича, в бытность его магистром, по европейской части Османской империи писалось неоднократно. Сохранились опубликованный им очерк, воспоминания друзей, учеников и современников. Было издано ряд публикаций, освещающих его путешествие и успехи, которое оно принесло в научный мир. Однако всегда остается ряд аспектов, на которых следует заострить внимание. Так хотелось бы остановиться на немаловажном нюансе взаимоотношений Григоровича с российскими агентами за рубежом и той немаловажной роли сведений полученных им для внешнеполитического ведомства.

Находясь на территории Османской империи, В.И. Григорович, в рамках своего путешествия, неоднократно встречался с российскими официальными и тайными агентами, представителями зарубежных стран, турецкими чиновниками. Обмениваясь информацией, тщательно ее взвешивая и классифицируя, он аккумулировал вокруг себя крайне полезные сведения. Это давало ему порой преимущество в общении с оппонентами. Несвободный от субъективной оценки в своих записях ученый давал взвешенные рассуждения о социальном строе (чиновничестве,

священнослужителях, купечестве) и внутреннем устройстве близкого соседа Российской империи. По мнению ряда историков, воспоминания ученого об взаимоотношениях с российскими агентами носили крайне противоречивый характер. Близко знакомые с Григоровичем, по новороссийскому периоду его жизни, профессора А. А. Кочубинский и А. И. Соколов писали, что «...испытания от чужих едва ли превышают те унижения и оскорбления, которые Григоровичу приходилось выносить от своих, но с которыми ему, по несчастной необходимости, пришлось сталкиваться – с дипломатами». Только вступив на турецкую землю, уже в Константинополе его встретили мягко говоря с недоверием. «Какой шут тебя надоумил путешествовать в такое опасное время», приветствовал его, с характерным тыканием, один из средних чиновников посольства. Когда же он предстал пред другим, тот принял его лежа на диване, с ногами на столе, и едва удостоил нескольких слов [2, 39]. Следует сказать, что прибыв в Константинополь, Григорович застал там российского посланника Владимира Павловича Титова, получившего назначение на этот пост 14(26) сентября 1842 г. Именно на время пребывания посольства Титова в Константинополе выпал самый сложный период в русско-турецких отношениях первой половины XIX века. Напряженных моментов во взаимоотношениях было достаточно и раньше. Однако именно в 40-е годы XIX века «центр тяжести» заметно сместился не в пользу России [3, 249]. В. П. Титов оценил всю широту планов Григоровича и проявив свою лояльность, снабдил ученого необходимыми бумагами в его нелегком путешествии. Таким образом, поездка В. И. Григоровича являлась не только научной по своей сути, но также служила внешнеполитическим интересам России. Курирование ее со стороны МИДа, несмотря на непростые взаимоотношения, осуществлялось на должном уровне. Путь казанского ученого-слависта пролегал по труднодоступным местам территории современной Болгарии, Албании, Македонии, охватывал Сербию и ряд других земель населенных славянами. Сеть консульств и внештатных агентов российского двора в первой половине XIX века в этих местах была

крайне мала. Так неудивителен тот факт, что за все время путешествия по Европейской части Турции, и последующих за ней Молдавии и Валахии, В. И. Григорович вступал в официальные отношения только с четырьмя российскими представителями [3, 249].

Собрав целый караван новых для науки коллекций, историко-литературных и этнографических; побывав в труднодоступных районах Балкан; познакомившись с местными особенностями жизни; окунувшись во все тонкости социальных взаимодействий внутри этого региона и получив необходимые ему сведения, теперь уже знаменитый Виктор Иванович Григорович закончил свой «солдатский поход» на румынском берегу Дуная у городка Джурджев. Первое поздравление ожидало его оттуда, где русский ученый начал свое путешествие, пометкой «почтеннейший г. Григорович» - из Константинополя. «Ныне мне, - собственноручно писал ему посол Титов (26.08.1845) в Бухарест, назвав его Иваном Викторовичем, - истинно приятно поздравить вас с избавлением от трудов и частью даже опасностей, которым вы подвергали себя из любви к науке. Вы богато вознаграждены посещением мест, доселе почти недоступных, и запасом редких материалов» [4, 43].

Остановившись на несколько месяцев в Бухаресте и тесно взаимодействуя с российским консулом Я.А. Дашковым, ученый не преминул поделиться своими сведениями. В декабре 1846 года, когда Григорович уже находился в Праге в обществе известного ученого Шафарика, Дашков с сожалением писал ему, что сообщенные им сведения, поясняющие историю валахского народа, без сомнения будут приняты здесь с признательностью. Но в силу происходящих событий, сведения Григоровича не будут пользоваться актуальностью. В 30-40 годы XIX века в Валахии шло активное строительство национальной идеи, в связи, с чем все материалы, так или иначе касающиеся общности славян и валахов скрывались или уничтожались.

Планирование дальнейших путешествий Григоровичем было прервано требованием немедленно вернуться в Санкт-Петербург. Граф Уваров, чтобы

убережь заслуженного работника науки от неприятного знакомства с его недоброжелателями засадил Григоровича за составление первого отчета, который и был написан им быстро. «Я не выходил из своей гостиницы целую неделю, написал, подал и был сейчас же направлен в Казань», вспоминал он в разговоре с коллегами. На закате своих лет, когда речь заходила об этом отчете, Григорович крайне отрывисто упоминал его. Так Н. М. Петровский в своем труде упоминает, что отчет о путешествии Григоровича был составлен всего за два дня, а два месяца Григорович безвылазно провел в Московских архивах. Когда же наступила очередь публиковать отчет о своих странствиях, многие записи были вырезаны.... Его ученики и друзья Кочубинский и Александров писали, что классический «очерк путешествия по европейской Турции» изданный в 1848 году сильно был урезан при печатании, о чем не раз сожалел автор в беседах с ними. Нередок в нем был язык Эзопа, и нужно было читать между строк. После смерти Григоровича был потерян (быть может, на время) экземпляр «очерка» с массой собственноручных пополнений. Во время быстрой описи, в позднее ночное время в присутствии друзей, судебным приставом имущества покойного, рукописей в сундуках, книг в мешках – экземпляр этот не был найден [4, 37].

В последние годы жизни, а в особенности после смерти современники отмечали колоссальный вклад ученого в становление славяноведения в России. Его работа получила одобрение со стороны Министра Народного Просвещения. Сведения, предоставленные Григоровичем в результате его заграничного путешествия, широко использовались и нашли достойное применение во внешнеполитическом и военном ведомствах. Полезная информация позволила заполнить белые пятна в картографировании и топографировании и тем самым добавить точность в имеющиеся данные. Описание нравов и обычаев народонаселения Европейской части Турции, их позиции в отношении «старшего брата» Российской империи, помимо научной ценности представляло благодатную почву для деятельности МИДа

и способствовало большей осведомленности российских дипломатических агентов на местах.

Но остается открытым вопрос: «Почему именно В.И. Григорович?» Ответ кроется в донесении от 6 августа 1844 г., составленным на имя министра Народного Просвещения С.С. Уварова, попечителем казанского учебного округа В.П. Молоствовым(?). Он писал: «это не обыкновенный ученый, посвящающий себя профессорскому званию для достижения личных целей, но человек страстный к науке, жертвующий всем для нее» [5, 34]. Помимо его натуры: талантливости и характера, заставлявшего его жертвовать всем науки ради, одно важное условие – «...обширная начитанность и познания;... знание языков древности и – Византии» [5, 36]. Таких лестных эпитетов удостоивались немногие ученые в первой половине XIX столетия.

Уже в преклонном возрасте в ответ на сравнение его научных странствий с путешествиями и деятельностью А.Ф. Гильфердинга, В. И. Григорович с укоризной замечал, что «перед ним [А.Ф. Гильфердингом], все открывалось и все преклонялось», в связи с его положением. Тем самым, отмечая всякие утверждения, что его деятельность напрямую зависела от указаний МИДа. Но даже если это и не так, деятельность Григоровича, взаимоотношения с местными властями, сбор сведений, порой не всегда легальный – отражали интересы Российской империи и способствовали уничтожению белых пятен на Балканском п-ове, укреплению ее позиций в этом регионе.

Список использованной литературы

1. Линниченко И. В. Профессор В. И. Григорович. К столетию со дня его рождения (1815г.). – Одесса: [Б.и.], 1915. – 19 с.
2. Григорович В. И. Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. – Казань: [Б.и.], 1915. – 281 с.
3. Кудрявцева Е. П. Русские на Босфоре: российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. – М.: Алетейя, 2010. – 348 с.
4. Петровский Н. М. Путешествия В. И. Григоровича по славянским землям // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1911. – № 10-12. – С. 38-120.
5. Кочубинский А. А. 2 речи А. Кочубинского. – Одесса: [Б.и.], 1893. – 56 с.